

Старообрядчество и православіе. ¹⁾

Архимандритъ господствующей церкви, преподаватель высшей духовной школы, перешелъ въ старообрядчество.

Фактъ этотъ взволновалъ обѣ церкви.

Господствующей церкви, конечно, было очень тягостно, что провинившійся и сосланный на послушаніе въ глухой монастырь архимандритъ не только не выполнилъ наложеннаго на него послушанія, но, къ великому соблазну православныхъ, перешелъ въ старообрядчество.

Съ другой стороны, и среди старообрядцевъ новый сочленъ произвелъ смуту.

Архимандритъ Михаилъ (Семеновъ)—я говорю о немъ—вскорѣ послѣ своего присоединенія былъ рукоположенъ въ епископы, причемъ руко-

¹⁾ Отъ редакціи. У всѣхъ пишущихъ по вопросамъ христіанской религіи и церковности всегда своя или „вѣроисповѣдная“ или „личная“ точка зрѣнія, которую они стремятся проводить. Редакція же *Русской Мысли*, придавая религіозному моменту и церковной жизни въ судьбахъ Россіи огромное значеніе, по отношенію къ *отдѣльнымъ вопрошеніямъ и вопрошеніямъ* занимаетъ нейтральную и объективную позицію. А потому, печатая интересную замѣтку Д. В. Философова, она *сужденія* автора о православіи и старообрядчествѣ, представляющіяся весьма субъективными и спорными, оставляетъ всецѣло на его ответственности и себя съ ними отнюдь не отождествляетъ. Ниже, вслѣдъ за статьей г. Философова, мы печатаемъ возраженія извѣстнаго старообрядческаго дѣятеля А. Мельникова. Они, конечно, имѣютъ характеръ „апологіи“, но эта „апологія“ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія всѣхъ лицъ, интересующихся религіозной жизнью русскаго народа. Въ отвѣтъ Д. В. Философому мы желали помѣстить и статью, написанную съ *православной* точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, получить такую статью намъ до сихъ поръ не удалось. Правда, у редакціи было драгоцѣнное для нея обѣщаніе покойнаго В. А. Караулова, который 6 декабря прошлаго года писалъ намъ:

„Дорогой Петръ Бернгардовичъ! вмѣстѣ съ этимъ посылаю вамъ заказнымъ корректуру статьи Философова. Отвѣтъ на нее дамъ не въ январьской, а въ февральской книжкѣ, отвѣтъ въ томъ размѣрѣ, который вы предлагаете, т.-е. короткій. Вашъ В. Карауловъ“.

Смерть помѣшала В. А. исполнить это обѣщаніе.

положеніе произошло какъ-то тайнственно, безъ точнаго соблюденія каноническихъ правилъ.

27 августа 1909 года старообрядческій соборъ опредѣлялъ новому епископу канадскому отправиться въ свою епархію въ трехмѣсячный срокъ, обучившись предварительно, подъ наблюденіемъ московскаго архіепископа Іоанна, богослуженію и исполненію преданій Христовой церкви. Соборъ предостерегъ епископа канадскаго, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ запрещенъ отъ священнодѣйствія.

Епископъ Михаилъ въ Канаду не поѣхалъ, на выучку къ архіепископу Іоанну не явился, и собору 1910 года пришлось опять вернуться къ обсужденію вопроса, что дѣлать съ епископомъ.

Соборъ, разсмотрѣвъ дѣло, запретилъ еп. Михаила отъ священнодѣйствія, пригрозивъ ему, что если онъ и послѣ опредѣленія собора начнетъ совершать священнодѣйствіе или смущать церковь Христову, то будетъ подвергнутъ болѣе строгому наказанію, согласно святоотеческихъ правилъ.

Выслушавъ это опредѣленіе, епископъ Михаилъ, по словамъ старообрядческаго журнала *Церковь* (№ 36), заявилъ, что снѣ подчиняется объявленному ему опредѣленію.

Такова виѣшняя сторона, казалось бы, очень малозначительнаго событія.

Развѣ такъ важно, что въ лоиѣ старообрядческой церкви находится запрещенный отъ священнодѣйствія епископъ? Развѣ могутъ представлять общественный интересъ его распри, сначала съ господствующей церковью, а затѣмъ со старообрядцами?

Но, присмотрѣвшись къ этому маленькому событію поближе, мы поймемъ всю его поучительность, потому что здѣсь столкнулись три силы: старообрядчество, православіе и внутренне свободная, религіозная личность. Помимо своей воли, участники этой трагедіи ставятъ передъ нами вопросъ, такъ ли ужъ различны по своему духу двѣ враждующія церкви, и, затѣмъ, способны ли историческія церкви отвѣтить на запросы мятущейся души живого, религіознаго человѣка? Не обречены ли онѣ на то, чтобы, такъ сказать, автоматически извергать изъ своей среды все мало-мальски живое, пророческое, мятущееся?

Что привлекло архимандрита Михаила къ старообрядчеству?

Вѣроятно, независимость внутренней церковной жизни старообрядцевъ отъ свѣтской власти и соблюденіе соборнаго начала въ управленіи дѣлами церкви.

Если мы заглянемъ въ курсы православнаго богословія или церковнаго права, мы увидимъ, что существеннымъ признакомъ православной церкви, какъ учрежденія, признается именно его *соборность*.

„Православная церковь сознаетъ себя богоучрежденнымъ обществомъ,

состоящимъ подъ управленіемъ богодарованной іерархіи“ (*епископъ Сильвестръ*: „Догматич. богословіе“, т. IV, Кіевъ, 1897 г., стр. 300).

„Высшая церковная власть принадлежитъ въ православіи собору“ (*К. Заозерскій*: „О священ. и правит. власти“, М., 1891 г., стр. 259—260).

„Не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію,—говоритъ покойный проф. Соколовъ,—что соборность церковнаго управленія есть основное, характеристически-церковное, каноническое начало“ (цитирую по статьѣ *И. В. Тихомирова*: „Каноническое достоинство реформы Петра Великаго“, *Богословск. Вѣстн.*, 1904 г., февр., стр. 217).

„Вся полнота церковной власти сосредоточивается въ соборѣ епископовъ, и притомъ въ такомъ абсолютномъ смыслѣ, что безъ этого церковь перестала бы быть тѣмъ, что она есть“ (*Никодимъ, еп. Далматинскій*: „Церковн. право“. Русск. пер., 1897 г., стр. 237).

Аналогичныхъ цитатъ можно привести сколько угодно, но всякій трезвый человѣкъ признаетъ, что отъ подобныхъ утвержденій вѣтъ неисправимой романтикой, потому что дѣйствительность съ ними совершенно расходится.

Правда, духовный регламентъ пытается объяснить уничтоженіе патріаршества стремленіемъ Петра Великаго ввести въ церковную жизнь именно начало соборности, но кто возьметъ на себя смѣлость защищать это положеніе? Кто не знаетъ, что съ учрежденіемъ святѣйшаго синода начало соборности въ управленіи русской церкви было въ корнѣ уничтожено?

Далѣе, нѣтъ сомнѣнія, что реформа Петра была произведена съ нарушеніемъ каноническихъ правилъ (см. вышеназванную статью *И. В. Тихомирова*, а также книгу *П. Лапина*: „Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти“, Казань, 1909 г., стр. 369).

Утверждая самымъ рѣзкимъ образомъ неканоничность церковной реформы Петра, *И. В. Тихомировъ* утѣшаетъ себя тѣмъ, что реформа, „хотя и узаконенная и практически осуществляемая, никогда не признавалась законною какъ со стороны іерархіи, такъ и со стороны паствы“ (*Богосл. Вѣстн.*, 1904 г., февр., стр. 240).

Утѣшеніе очень сомнительное.

Непризнаваніе, проповѣдуемое г. Тихомировымъ—не болѣе какъ „*reservatio mentalis*“, которое совершенно не допускается именно духовнымъ регламентомъ.

Въ присягѣ „членамъ духовныя коллегіи“ прямо сказано: „Исповѣдую же съ клятвою крайняго Судію Духовныя сея Коллегіи быти Самого Всероссійскаго Монарха, Государя нашего всемилостивѣйшаго. Клянуся еще Всевидящимъ Богомъ, что вся сія мною нынѣ обѣщаваемая, не инако толкую во умѣ своемъ яко провѣщаваю устами, но въ

той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумѣ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышавшимъ являютъ“.

Для іерарха церкви присяга—дѣло не шуточное, и рѣшительно невозможно допустить мысли, что теорія Тихомирова о „непризнаваніи“ имѣеть за собой хоть какую-нибудь реальную почву.

Реформа Петра неканонична, но церковь ее признала (по какимъ мотивамъ—не важно). Если бы реформа Петра была дѣйствительно не признана, церковная жизнь въ православіи давно бы замерла. Вотъ уже двѣсти лѣтъ у насъ остановилось бы церковное законодательство, и вся наша іерархія превратилась бы въ самозванную.

Это какъ разъ и утверждаютъ старообрядцы. У нихъ соборность и свобода отъ воздѣйствія свѣтской власти на религиозную жизнь не анахронизмъ, у нихъ нѣтъ никакихъ „reservationes mentales“. Благодаря своему вѣковому упорству, они на дѣлѣ осуществили отдѣленіе своей церкви отъ государства. И если сдѣлать невѣроятное предположеніе, что, воспользовавшись указомъ 17 апрѣля, всѣ православные перешли въ старообрядчество, то въ Россіи совершилось бы отдѣленіе церкви отъ государства безъ измѣненія существующихъ законовъ.

Правильная іерархія существуетъ у старообрядцевъ только въ такъ называемомъ *австрійскомъ согласіи*, и то очень недавно, съ революціи 1848 года, когда правительство Франца-Иосифа, въ силу только что завоеванныхъ народомъ конституціонныхъ гарантій, вынуждено было прекратить, начатыя по инициативѣ Николая Павловича, преслѣдованія противъ Бѣлой Криницы. Врядъ ли дѣятели австрійской революціи предполагали, что, завоевавъ для себя политическую свободу, они вмѣстѣ съ тѣмъ оказали громадную помощь старообрядчеству. Но таковы уже странности и капризы исторіи.

Нормально функционировать эта іерархія начала послѣ указа 17 апрѣля. Думается, что въ недалекомъ будущемъ не только бѣглоповцы, но, можетъ быть, и безпоповцы примкнутъ къ австрійскому согласію, такъ какъ существенныхъ препятствій къ сему, въ концѣ-концовъ, нѣтъ никакихъ.

Достичь современнаго благосостоянія старообрядчеству было не легко. Лишенная епископата церковь могла жить только благодаря особенному рвенію мірянъ, которые какъ бы воспріяли пастырскую ревность. Понятно, что и послѣ учрежденія епископата міряне не отстранились отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ. Самодѣятельность мірянъ—одна изъ характерныхъ особенностей старообрядчества. Архимандритъ Михайль, которому стало душно въ господствующей церкви, внѣ непосредственнаго общенія съ мірянами, совершенно естественно устремился туда, гдѣ, какъ ему казалось, идетъ нормальная церковная жизнь внѣ зависимости отъ свѣтской власти и притомъ въ общеніи съ

міромъ. Ему, должно быть, вѣрилось, что освобожденное, благодаря указу 17 апрѣля, старообрядчество заживетъ новой жизнью, что оно способно на развитіе, на возрастаніе.

Вся внѣшняя сторона старообрядчества, именно старый обрядъ съ двоеперстіемъ, Исусомъ и т. д., не могла служить архимандриту Михаилу препятствіемъ для перехода въ старую церковь.

Господствующая церковь относится къ старому обряду нейтрально, доказательствомъ чему служатъ единовѣрцы, къ которымъ она относится приблизительно такъ же, какъ католическая церковь къ уніатамъ. Католики позволили уніатамъ сохранить весь обрядъ восточной, по ихъ мнѣнію „схизматической“, церкви, лишь бы они признавали папу. Такъ же и синодальная церковь сохраняетъ единовѣрцамъ ихъ древній обрядъ, даетъ имъ своихъ собственныхъ священниковъ, лишь бы единовѣрцы обѣщались „повиноваться святѣйшему правительствующему все-россійскому синоду, отъ четырехъ патріарховъ католическія восточныя церкви въ равномъ съ ними достоинствѣ и власти признанному и утвержденному“, какъ говорится въ Чинѣ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго.

Правда, „миссіонеры“ и начетчики, съ усердіемъ достойнымъ лучшей участи, до сихъ поръ препираются объ „аллилуіа“. Но безнадежные споры эти могутъ интересоватъ лишь темныя, невѣжественныя массы, а потому веденіе ихъ крайне вредно для *обѣихъ церквей*. Какъ миссіонеры, такъ и начетчики искусственно удерживаютъ религіозное сознаніе народныхъ массъ на уровнѣ XVII вѣка. Теперь, особенно послѣ трудовъ проф. *Голубинскаго* ¹⁾ и проф. *Кантерева* ²⁾, мы отлично знаемъ, что въ моментъ зарожденія раскола обѣ стороны были *одинаково не правы*. Кружокъ ревнителей благочестія, къ которому принадлежалъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ, такъ и протопопъ Аввакумъ, былъ преисполненъ самыхъ добрыхъ намѣреній, и если произведенная, по инициативѣ кружка, реформа привела къ расколу, то объясняется это не только личными недостатками Никона, а первобытнымъ невѣжествомъ обѣихъ сторонъ. Исторія зарожденія раскола—классическій примѣръ, насколько въ дѣлахъ *тѣры* необходимо *знаніе*.

Послѣ реформы Петра дѣло приняло другой оборотъ. Духовный регламентъ считаетъ „раскольниковъ“ „лютыми непріятелями“, „государству и государю непрестанно зло мыслящими“. Такое утвержденіе въ послѣдствіи оказалось тоже невѣрнымъ. Если у старообрядцевъ была особенная ненависть къ Петру, къ нему лично, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они непрестанно „зло мыслили“ государю и государству.

¹⁾ „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“. М., 1905 г.

²⁾ „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“, т. I, 1909 г.

Наоборотъ, какъ по своему социальному составу ¹⁾, такъ и по рѣзко выраженной психологіи консерватизма современные старообрядцы—одинъ изъ самыхъ лояльныхъ элементовъ въ Россіи. Съ этой стороны правительство оцѣнило ихъ довольно поздно, не ранѣе царствованія Александра III.

Старообрядцы съ полной искренностью признаютъ богоустановленность монархической власти въ Россіи, но отрицаютъ ея *церковный* характеръ, тогда какъ господствующая церковь, вопреки романтическимъ утвержденіямъ учебниковъ богословія и церковнаго права, естественно склоняется къ цезаре-панизму. Такимъ образомъ, въ настоящее время существо дѣла вовсе не въ „двоеперстїи“ и не въ „зломьсли“ старообрядцевъ по отношенію къ государю и государству, а въ *отрицаніи старообрядцами цезаре-панизма*.

Свобода отъ воздѣйствія свѣтской власти на религіозную жизнь церкви, фактически сохранныя „соборность“ и тѣсная связь съ мірянами—эти существенныя черты старообрядчества и могли вселить еп. Михаилу, какъ я уже говорилъ выше, надежды на возрожденіе православія именно старообрядческаго.

Эти надежды епископа до сихъ поръ не оправдались и врядъ ли когда-нибудь оправдаются.

Правда, епископъ Михаилъ слишкомъ поспѣшилъ и предъявилъ старообрядцамъ такія требованія, которыя они, по совѣсти, не могутъ выполнить.

Строго говоря, старообрядческій соборъ поступилъ вполне разумно, уклонившись отъ обсужденія идей епископа Михаила.

Дѣло произошло такъ. Епископу Михаилу былъ предъявленъ экземпляръ воззванія такъ называемыхъ „голгоетскихъ христіанъ“ съ вопросомъ, признаетъ ли онъ себя авторомъ этого воззванія. Епископъ Михаилъ отвѣтилъ, что воззваніе—трудъ коллективный, но что идеи воззванія онъ во многомъ раздѣляетъ, а потому готовъ дать объясненія по существу вопроса. Узнавъ, что *формально* еп. Михаилъ не авторъ воззванія, соборъ отъ дальнѣйшихъ разговоровъ на эту тему уклонился, ограничившись „переходомъ къ очереднымъ дѣламъ“ приблизительно слѣдующаго содержанія: „Въ виду того, что въ *нѣкоторыхъ* сочиненіяхъ нынѣ запрещеннаго епископа Михаила (какъ, наприм., въ № 7 журнала *Старообрядческая Мысль*, № 5 журнала *Слушай Земля* и др.) есть соблазнительныя выраженія и даже приводятся мысли, не согласныя съ ученіемъ св. отцовъ, считаемъ своимъ архипастырскимъ долгомъ

¹⁾ На верхяхъ старообрядчества стоятъ крупныя фабриканты и промышленники, на низахъ—мелкая, экономически независимая городская и деревенская буржуазія. Въ политикѣ „ставки на сильныхъ“ старообрядцы не могутъ не играть роли.

предостеречь всѣхъ христіанъ-старообрядцевъ, чтобы они опасались руководствоваться сочиненіями еп. Михаила и относились къ нимъ, какъ къ сочиненіямъ обыкновенныхъ писателей, не имѣющихъ никакого церковнаго авторитета и значенія“¹⁾).

Такимъ образомъ, соборъ свелъ все дѣло на нѣтъ, никакъ не высказавшись по существу вопроса. А пока идеи епископа Михаила не столкнутся съ церковью, пока онѣ не сдѣлаются предметомъ соборнаго, церковнаго обсужденія, нельзя считать, что церковь ихъ отвергла.

Идеи воззванія въ высшей степени благородны, въ нихъ чувствуется подлинное горѣніе, жажда преображенія земли. Но онѣ настолько хаотичны, а въ догматическомъ смыслѣ настолько неясны, что врядъ ли даже желательно, чтобы въ своемъ настѣящемъ видѣ онѣ когда-либо стали предметомъ церковнаго, соборнаго обсужденія. Но дѣло даже не въ хаотичности и неясности. Если бы личныя мнѣнія епископа Михаила и воззваніе голгоескихъ христіанъ представляли собой строгую, послѣдовательно продуманную, систему, содержали бы въ себѣ исчерпывающій списокъ недоумѣнныхъ вопросовъ, всетаки какъ православная, такъ и старообрядческая церковь непремѣнно уклонились бы отъ ихъ обсужденія. Въ этомъ — трагедія всего православнаго Востока. Выражаясь языкомъ Соловьева, въ немъ есть только „священство“, но не можетъ быть „пророчества“, потому что пророчество всегда обращено къ будущему и смотритъ на настоящее, какъ на нѣчто незавершенное. *Отличительная же черта восточнаго православія въ томъ и состоитъ, что оно считаетъ свое догматическое развитіе разъ навсегда законченнымъ.*

Въ мои цѣли вовсе не входитъ защищать католическую церковь, но *формально* въ ней есть исходъ изъ подобной трагедіи благодаря тому, что она не признаетъ свое догматическое ученіе завершившимся²⁾. Поэтому, наприм., положеніе модернистовъ тамъ вовсе не безнадежно. Они могутъ лично пострадать, благодаря суровости и консерватизму Пія X. Но идея ихъ, если она жизнеспособна, когда-нибудь да восторжествуетъ, потому что католичество не дѣлаетъ этой идеѣ формальнаго отвода. Если модернизмомъ заразится большинство чадъ церкви, то фатально ихъ приметъ въ концѣ-концовъ и пала, который имѣетъ

¹⁾ Епископъ Михаилъ—постоянный сотрудникъ старообр. журнала *Церковь* (Москва) и журнала *Новая Земля*. Изъ отдѣльно напечатанныхъ сочиненій можно указать слѣд. брошюры: 1) „Двѣнадцать писемъ о христіанствѣ“, написаны еще въ бытность епископа архимандритомъ господствующей церкви (брош. въ 51 стр.). Ц. 1 р. 2) „Публичное собесѣдованіе архимандрита Михаила съ синодальнымъ миссіонеромъ о. Крючковымъ въ Кіевѣ, 20 іюля 1908 г.“. Ц. 15 к. 3) „О вѣрѣ и невѣрїи“ (два выпуска), 1909 г. Ц. 40 к.

) На это, въ свое время, указывалъ В. В. Розановъ.

полное право даже санкціонировать новый догматъ, не считаясь съ тѣмъ соображеніемъ, что послѣ семи вселенскихъ соборовъ эволюція догматовъ закончена. Поэтому обиліе отдѣльныхъ сектъ—характерный спутникъ именно Востока. Пока живо въ народѣ религіозное чувство, живы и „пророки“. Но пророкъ по существу не пріемлемъ въ православіи, благодаря чему происходитъ ослабленіе какъ церковной жизни, такъ и личной. Въ церкви „пророкъ“ становится сектантомъ, въ пророчества—церковь каменѣетъ, лишаетъ себя громаднхъ религіозныхъ силъ.

Старообрядчество, эта православнѣйшая изъ православныхъ церквей, можетъ улучшить внѣшнія формы церковной жизни, поднять у себя уровень образованія, но развиваться, двигаться, привлекать новыя религіозныя силы ему врядъ ли свойственно, а потому такіе люди, какъ епископъ Михаилъ, ему и не нужны. Оно все равно не можетъ съ ними справиться, не можетъ ими пользоваться ¹⁾.

Пока старообрядческая церковь находилась въ подпольѣ, была на положеніи гонимой, казалось, что она столь консервативна только по закону самосохраненія.

Но послѣ указа 17 апрѣля въ ея жизни обнаружались признаки, показывающіе, что въ существѣ своемъ она столь же неподвижна, какъ и господствующая церковь.

Началось съ того, что старообрядческая іерархія занялась устраненіемъ мірянъ отъ участія въ церковномъ управленіи.

Такъ, на послѣдній соборъ не были допущены представители различныхъ общинъ и братствъ ²⁾. И, что всего любопытнѣе, наиболѣе энергичнымъ гонителемъ мірянъ оказался тотъ самый епископъ Иннокентій, который нѣкогда, въ обходъ каноническихъ правилъ, посвятилъ архимандрита Михаила въ епископы.

Въ этомъ пунктѣ старообрядческая іерархія вполне солидарна съ іерархіей господствующей церкви. Было бы грубой несправедливостью утверждать, что наиболѣе достойные іерархи православной церкви не тяготятся своей подчиненной ролью, не мечтаютъ о „соборности“, конечно, безъ участія мірянъ. Въ предсоборной комиссіи много говорилось на эту тему. Status quo защищаль одинъ проф. Суворовъ, нынѣ умершій, который послѣдовательно отстаивалъ именно цезарепапизмъ, какъ сущность православія ³⁾. Всѣ же іерархи мечтали о соборномъ началѣ,

¹⁾ Господствующая церковь въ болѣе выгодномъ положеніи, и какъ это ни странно, именно благодаря цезарепапизму, въ которомъ она обближается съ католичествомъ, построенномъ на папо-цезаризмѣ.

²⁾ См. интересный протестъ братства „Честнаго и животворящаго креста Господня“ Церковь, № 40.

³⁾ Къ сему надо прибавить, что проф. Суворовъ—единственный изъ современныхъ канонистовъ, обладающій солидными юридическими познаніями.

и думается, что просвѣщенные старообрядцы (а не начетчики, до сихъ поръ сражающіеся съ Скворцовыми и Крючковыми на тему о двоеперстіи) охотно подписались бы подъ многими заключеніями предсоборной комиссіи. Если бы пожеланія русскихъ іерарховъ осуществились, церковная власть отдѣлилась отъ свѣтской окончательно, разногласія между обѣими церквами свелись бы къ такимъ несущественнымъ пунктамъ, что унія между ними стала бы вполне возможна.

Спеціально же старообрядчеству гоненіе, воздвигнутое въ его средѣ на мірянъ, грозитъ очень опасными послѣдствіями, принимая во вниманіе необразованность большинства іерарховъ старообрядческой церкви.

Къ чести старообрядцевъ надо сказать, что среди нихъ есть люди, сознающіе эту опасность. Ихъ очень заботитъ вопросъ о высшемъ духовномъ образованіи. Въ журналѣ *Церковь* (отъ 3 окт.) опубликована программа высшаго, богословско-учительскаго института, который предположено учредить при Рогожскомъ кладбищѣ. Видимо, старообрядцевъ не удовлетворяетъ больше классическій типъ „ученаго“ начетчика, который изъ-за старопечатной буквы окончательно лишился способности видѣть духъ Священнаго писанія.

Программа института очень обширная. Тутъ и природовѣдніе, и всеобщая исторія, и филологія, психологія, логика, философія. Почти богословскій факультетъ германскаго университета.

Чтеніе этой программы производитъ особенно странное впечатлѣніе, если ее сопоставить съ „вопросомъ“ одного подпечника, — вопросомъ, на который редакція журнала отвѣчаетъ *въ томъ же номерѣ*, гдѣ напечатана программа богословскаго факультета.

Вопросъ слѣдующій (стр. 1003): *„Когда слышится громъ, у насъ говорятъ, что это Илья пророкъ ѣздитъ на колесницѣ. Правда ли это?“*

Въ вопросѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Девяносто процентовъ православныхъ крестьянъ-христіанъ его даже не предлагаютъ, такъ убѣждены они въ колесницѣ пророка. Но въ связи съ программой онъ получаетъ какой-то символическій смыслъ.

Дѣло въ томъ, что тутъ *заколдованный кругъ: учрежденіе богословскаго института несовмѣстимо со старообрядчествомъ*. Или, превзойдя все науки, старообрядцы должны будутъ, не взирая на убѣдительныя, объективно-научныя утвержденія профессоровъ Голубинскаго и Каптерева (которыхъ господствующая церковь заподозрила въ пристрастіи къ старообрядцамъ), съ прежней наивностью утверждать, что самъ Христосъ крестился двумя перстами, и тогда вся „наука“ будетъ для нихъ бесполезна, потому что если допустить, что Христосъ крестился двумя перстами, то нѣтъ никакихъ основаній отвергать колесницу Ильи пророка. Или наука образумитъ старообрядцевъ. Немножко

подучившись логикѣ, психологiи и исторiи, они поймутъ, что возводить обрядъ въ догматъ, смотрѣть на него, какъ на магію, просто невозможно при извѣстномъ уровнѣ сознанiя. Но тогда что же останется специфически старообрядческаго въ самомъ старообрядчествѣ?

Учрежденіе старообрядческаго богословскаго института есть дѣло святое, воистину христіанское, потому что внѣ свѣта знанiя христіанство превращается въ суевѣріе, но пусть старообрядцы себя не обманываютъ. Или ихъ институтъ будетъ готовить тѣхъ же начетчиковъ, что было бы слишкомъ печально, или ихъ новая іерархiя, получивъ болѣе солидное образованіе, прежде всего возстанетъ противъ подмѣны догматовъ обрядами.

Можетъ быть, только въ послѣдовательномъ отрицанiи самой старообрядческой психологiи все спасеніе старообрядчества. Очистившись отъ слѣпота преклоненiя передъ сугубой аллилуіей, двоеперстiемъ и т. д., старообрядческая церковь получитъ возможность подумать объ униі съ „господствующей“ церковью. Униі не формальной, какъ это произошло съ единовѣрцами, а дѣйствительной.

Необходимое условіе такой униі со стороны господствующей церкви вовсе не въ признанiи старопечатныхъ книгъ, а въ освобожденiи ея отъ подчиненiя государству и свѣтской верховной власти.

Возможно ли такое освобожденіе господствующей церкви, я не знаю. Но если возможно, то объ церкви неминуемо объединятся, потому что *душа* у нихъ одна: отрицаніе догматическаго развитiя христіанской церкви.

Именно потому, что въ обѣихъ церквахъ живетъ одинъ и тотъ же духъ бездвижности, обѣ онѣ рѣшительно неспособны не то что понять, но просто услышать голосъ людей, подобныхъ епископу Михаилу.

Д. Философовъ.